
Дарья Коршикова
Если не будет иначе
18+

Дарья Коршикова
Если не будет иначе

https://litres.ru/74744863
SelfPub; 2026

Аннотация

Мир не вращается. Одна его сторона — вечный день, другая — вечная ночь. Жить можно только на узкой полосе между ними. Эта полоса называется Кайма, и она с каждым годом становится уже.

Чтобы остановить войну, Золотые и Стынники решают породниться. Брачную клятву поручают заверить Сэлле Орвин — клятвоведу, которая умеет находить в договорах лазейки. Она читает текст до конца и находит лазейку в собственном имени: её вписали в договор как невесту.

Теперь Сэла связана с Кайраном, наследником Стыни. Клятва делит их чувства пополам: что чувствует он, чувствует она, и наоборот. Скрыть это невозможно. И чем ближе они становятся, тем яснее понимают: брак устроили не для мира, а для чужой игры.

Спасти Кайму можно, только переписав древний Договор, который удерживает мир от исчезновения. Но у каждой клятвы есть цена. И самая опасная — та, что дана добровольно.

Если не будет иначе.

Содержание

Пролог 4
Глава 1. Мелкий шрифт 7
Глава 2. Пирог с мясом 27
Конец ознакомительного фрагмента. 46

Дарья Коршикова
Если не будет иначе

Пролог

Мир не вращается.

Об этом обычно узнают в детстве, от родителей, которые устали отвечать на вопросы. Мир не вращается, говорят они. С одной стороны всегда день, с другой всегда ночь. Солнце стоит на месте, звёзды стоят на месте, и только узкая полоса между ними ещё пригодна для жизни. Эта полоса называется Кайма.

Кайма — это не страна. Это граница. Полоса вечных сумерек, где свет ещё не жжёт, а тьма ещё не убивает, где растёт мох, текут реки и живут люди. Справа от неё — Полдень: выжженная пустыня, где солнце висит в небе, как забытый фонарь, и воздух дрожит от жара. Слева — Стынь: ледяная ночь под немигающими звёздами, где дыхание замерзает на губах, а снег скрипит, как чужие шаги.

Между ними — мы. Сумеречники. Те, кто родился на границе и научился жить в двух мирах сразу. Мы торгуем, посредничаем, переводим. Мы знаем, что у каждой стороны своя правда, и что правда, сказанная слишком громко, стоит дороже, чем война.

Потому что в этом мире слово имеет вес.

Не в переносном смысле. В самом прямом. Слово, сказанное с настоящим намерением, становится законом. Оно связывает, обязывает, держит. За него платят частицей жизни — кто-то несколькими днями, кто-то годами. Нарушенная клятва убивает или калечит. Поэтому здесь все предельно осторожны в формулировках. Поэтому здесь не говорят «всегда» и «никогда» без нотариуса и запасной жизни. Поэтому лучшие маги — не воины и не целители, а клятвоведы. Юристы. Те, кто знает, где в договоре спрятан мелкий шрифт.

Кайма сужается.

Об этом тоже обычно узнают в детстве, но говорят об этом шёпотом, потому что страшно. Каждый год Полдень и Стынь отъедают у неё по ладони земли. Раньше она была шире. Намного шире. Никто не помнит почему. Никто не помнит, кто её удерживал. Мы просто живём на полосе, которая тает, и делаем вид, что не замечаем.

Но мы замечаем. Все замечают.

Кайму удерживает Договор Рассвета и Заката — клятва двух первых королей, данная тысячи лет назад. Срок Договора истекает. Вместе с ним сужается мир. А те, кто должен был это остановить, слишком заняты войной, чтобы заметить, что войны больше не будет. Потому что не будет мира, за который стоит воевать.

Я живу на этой полосе всю жизнь. Я видел, как гаснут мхи

на границе. Я видел, как уходят люди из городов, которые завтра станут песком. Я видел, как клятвоведы спорят о формулировках, пока лёд смыкается у них за спиной.

Я не знаю, чем это закончится. Я хроникёр, а не пророк. Я записываю то, что вижу, и то, что слышу, и то, что мне рассказывают за кружку отвара.

Но я знаю одно: пока на Кайме говорят слова, которые чего-то стоят, мир ещё держится.

Если не будет иначе.

Глава 1. Мелкий шрифт

Зал Заверений в Золотом Ярусе строили так, чтобы никто не мог сказать, будто его не заметили. Стены из полированных зеркал ловили свет вечного Полдня и швыряли его в каждый угол, и тени здесь не приживались. Даже человеческие.

Мох-часовщик в нише над дверью вспыхнул зелёным. Это была уже третья вспышка с того момента, как Сэлу Орвин вызвали на «короткую консультацию». Она пришла с карманами, набитыми перьями, печатями и сургучом, и с твёрдой уверенностью, что к концу консультации её ждёт ужин.

На столе перед ней лежал свиток: длинный, плотный, тяжёлый от обещаний. Брачная клятва между Золотыми и Стынью, которую ей предстояло заверить как независимой стороне. Работа была привычной и хорошо оплачиваемой. Сэле платили двойной тариф за умение находить в тексте всё, что в нём спрятали, и она давно подозревала, что в этом и состоит смысл её существования.

Напротив стоял Ориан Селест, Верховный клятвовед, высокий, светловолосый, в одежде цвета расплавленного золота. Руки он держал сложенными. Улыбка у него была вежливая, как закрытая дверь.

— Мастер Орвин, — произнёс он мягко. — Мы очень ценим вашу тщательность. Если не будет иначе, мы хотели бы

закончить сегодня.

Сэлла прочла вслух первые строки, как делала всегда: слух ловит то, что глаз пропускает. «Стороны разделят чувство и ощущение, пока Договор не будет исполнен». Красиво. «Ни одна из сторон не вправе нарушить связь добровольно». Тоже вполне разумно, хотя «добровольно» стоит не там, где ему положено, но это можно будет обсудить.

Она дошла до преамбулы и замерла.

Строка, называвшая участников, гласила: **«Сторона первая: Кайран Дэр-Нокт, наследник Стыни. Сторона вторая: Сэлла Орвин, заверяющая».**

Её имя. Прямо в тексте. Не в графе свидетеля и не там, где ставят печать заверения, а в строке тех, кто будет связан.

Сэлла перечитала дважды. Потом достала из кармана очки, хотя зрение у неё было прекрасное, просто очки придавали ей нужную долю подозрительности. Строка не изменилась.

За спиной вспыхнул мох. Ориан не шелохнулся. Его улыбка осталась ровно такой же, и именно это встревожило её сильнее всего: люди, которым нечего скрывать, обычно хоть немного нервничают.

В дальнем конце зала открылась дверь. Вошёл высокий мужчина в чёрном, бледный, с тёмными волосами до плеч и тонким шрамом через левую бровь. Над воротником у него едва заметно мерцали серебристые узоры, похожие на морозные ветви. Он остановился на пороге, и взгляд его скольз-

нул сначала по Сэле, потом по свитку у неё в руках, потом по Ориану.

Узоры на его шее вспыхнули ярче.

Сэлла отметила это почти машинально, как отмечала всё: чернильное пятно на манжете, неправильную запятую, подозрительную улыбку. И только потом поняла, что смотрит прямо на него, а он смотрит на неё. В зале стало очень тихо, и в этой тишине стало слышно, как тикает мох.

Сэлла нахмурилась и вернулась к началу свитка. Она читала медленно, как читала всегда, с карандашом в зубах и пальцем под каждой строкой. Ориан ждал, не торопя, и это тоже было частью его мастерства: он умел ждать так, чтобы ждущему становилось неловко.

Ничего необычного не нашлось ни в пунктах об общих ощущениях, ни в статьях о сроках и границах. Но в самом конце, там, где обычно ставят печати, мелким шрифтом, который на таком свитке легко принять за орнамент, было написано: **«Заверение настоящего договора заверяющей стороной приравнивается к её добровольному согласию».**

Сэлла медленно вынула карандаш изо рта.

Потом подняла голову и посмотрела на Ориана так, как смотрела на людей, пытавшихся продать ей чужой долг по цене своего.

— Магистр, — произнесла она ровно, — с вашего позволения, я бы хотела задать несколько вопросов касатель-

но формулировок данного договора. По моему отнюдь не скромному мнению, в блоке сторон произошла ошибка.

— Если не будет иначе, я с радостью отвечу, — любезно отозвался Ориан.

— Моё имя стоит в строке связанных сторон. Я приглашена как заверяющая.

— Вы приглашены как заверяющая, — согласился Ориан. — Это правда.

Сэлла прищурилась. «Это правда» вместо «это ошибка» прозвучало слишком гладко. Ориан Селест никогда не лгал, об этом знали все в Золотом Ярусе, и именно поэтому его так боялись. Он умел говорить только правду и складывать её так, что слушающий сам доходил до нужной ему лжи.

— Но моё имя стоит и там, где стоят те, кого связывает клятва, — продолжила она. — Это не опечатка?

— В моей канцелярии не бывает опечаток.

— Значит, не опечатка. — Сэлла постучала карандашом по свитку. — И пункт семнадцать, мелким шрифтом, гласит, что моё заверение будет считаться согласием. То есть если я поставлю печать, то стану стороной договора. Если не поставлю, то отказ от заверения сорвёт союз Золотых и Стыни.

— Вы удивительно быстро всё поняли, мастер Орвин, — сказал Ориан, и в голосе его впервые прозвучало что-то похожее на уважение. — Именно поэтому мы вас и выбрали.

Тишина в зале сгустилась. Откуда-то слева послышался тихий звук, похожий на скрип льда. Сэлла повернула голову.

Кайран Дэр-Нокт всё ещё стоял у двери. Он не двигался, но узоры у него над воротником теперь светились ровно и ярко, как холодные нити под кожей, и тянулись к скулам. Он смотрел не на Ориана. Он смотрел на неё, и во взгляде этих почти прозрачных голубых глаз не было ни гнева, ни насмешки. Была только очень осторожная, очень сдержанная тревога человека, который понял, что его собираются связать с незнакомкой, а незнакомка в этот момент держит карандаш, как нож.

— Я об этом не знал, — произнёс он негромко, и голос у него оказался ниже и тише, чем она ожидала. — Эта строка появилась без моего ведома.

Сэлла приподняла бровь. Она бы с радостью решила, что он лжёт, но узоры на его шее не дрожали, а только светились ровно.

— Магистр, — сказала она Ориану, не сводя с принца взгляда, — вы только что сказали, что в вашей канцелярии не бывает опечаток. Значит, мое имя в этой строке стоит намеренно. Чьим решением?

Ориан Селест улыбнулся, и впервые за весь разговор улыбка вышла чуть шире, чем следовало.

— Решением, которое принято ради блага Каймы, — ответил он. — Если не будет иначе.

В этом «если не будет иначе» Сэлла услышала то, что слышала только в самых опасных договорах: он оставил себе выход, а ей нет.

Сэлла пристально посмотрела на Кайрана, затем перевела взгляд на Ориана.

-Мне лестно, что вы высокого мнения о моих способностях, Маристр. Если вы любезно позволите, я бы хотела обсудить детали контракта с господином Кайраном

Ориан склонил голову ровно настолько, чтобы это сошло за вежливость, а не за уступку.

— Разумеется, мастер Орвин. Если не будет иначе, у вас десять вспышек. Малый кабинет за северной стеной свободен.

Десять вспышек мха. Сэлла отметила, что он назвал срок без малейшей паузы: он знал, что она попросит, и заранее выбрал число.

Она свернула свиток, сунула его под мышку и пошла к северной двери, не оглядываясь. Через несколько шагов за спиной послышались другие, более тихие и размеренные. Кайран Дэр-Нокт ступал так, будто привык не выдавать своего присутствия лишним звуком.

Малый кабинет оказался нишей без зеркал, с одним узким окном, прикрытым ставнями. Свет Полдня пробивался сквозь щели тонкими золотыми полосками и ложился на пол, на стол и на лицо принца, которое сразу изменилось. Плечи у него чуть опустились, будто он наконец выдохнул. Узоры над воротником больше не горели так ярко: в полутьме они светились мягко, серебристо, и Сэлла вдруг заметила, как сложно они устроены. Ветви, разветвления, тонкие

нити, расходящиеся к вискам.

Она тут же отвела взгляд. Разглядывать собеседника на переговорах считалось дурным тоном. Особенно когда собеседник, возможно, твой будущий муж.

— Давайте с главного, — сказала Сэлла и положила свиток на стол. — Меня зовут Сэлла Орвин. Я заверяю договоры. Я не вступаю в них, и в мои планы это не входило.

— Кайран, — отозвался он. Голос у него был негромкий и ровный, как лёд, на который ещё не наступили. — Дэр-Нокт.

— Я знаю. Вы на свитке.

Уголок его рта дрогнул. Это была не улыбка, лишь её тень, но узоры на скуле на мгновение вспыхнули чуть ярче и тут же угасли. Сэлла отметила это, как отмечала всё. И так же машинально поняла, что запомнила.

— Вы сказали, что не знали, — продолжила она, садясь напротив. — Я хочу понять насколько. Вы не знали о моём имени в договоре? О пункте семнадцать? Или вообще о том, что это будет брак по клятве?

Кайран помолчал. Он явно привык обдумывать каждое слово, прежде чем его произнести, и сейчас Сэлла видела, как он взвешивает.

— О браке я знал, — сказал он наконец. — Мой дядя объявил о нём три недели назад. Он сказал, что это единственный способ избежать войны. Имя второй стороны мне не называли. Мне сообщили лишь, что нужен независимый клятвовед для заверения. — Он замолчал, потом добавил тише:

— Мне и в голову не пришло, что это будете вы.

— Меня выбрали за дотошность, — мрачно сказала Сэлла. — Видимо, чтобы я сама себя и связала.

— Или потому, что вы не стали бы подписывать то, чего не прочли, — заметил Кайран. — А значит, по замыслу, вы должны были прочесть всё и понять, что отказ сорвёт мир.

Сэлла подняла голову. Он говорил медленно, но мыслил быстро, и это ей неожиданно понравилось. Она не любила глупых союзников. Но она и не доверяла умным.

— Допустим, — сказала она. — Допустим, я не заверяю договор. Что происходит?

— Дядя считает, что к следующей вспышке после сегодняшней у границы будет собрана армия. Золотые будут ждать нашей слабости, а мы их. Если мир сорвётся сегодня, война начнётся за месяц. — Он поднял на неё почти прозрачные глаза. — Я не говорю, что вы обязаны. Я говорю, как это выглядит с моей стороны.

— А как это выглядит с вашей стороны? — тихо спросила Сэлла. — Вас это устраивает?

Он ответил не сразу. Узоры на шее дрогнули, тонкими линиями потянулись к подбородку, и он, кажется, заметил это раньше неё. Рука в перчатке чуть дёрнулась, будто он хотел поправить воротник, но остановил себя.

— Меня не спрашивали, — сказал он наконец. — Но если вы хотите знать, о чём я думаю, то я думаю, что связывать вас без вашего согласия неправильно. И что мне не хотелось

бы, чтобы вы однажды возненавидели меня за то, в чём я не участвовал.

Сэлла какое-то время молчала. Она слышала, как за ставнями тикает мох-часовщик, отсчитывая вспышки. Она слышала собственное дыхание. И понимала, что за двадцать семь лет профессиональной подозрительности она впервые не нашла, к чему придраться.

Это её и встревожило.

— Хорошо, — сказала она и снова придвинула к себе свиток. — Тогда давайте искать лазейку. Один пункт меня давно беспокоит: «**Ни одна из сторон не вправе нарушить связь добровольно»**. Слово «добровольно» стоит перед «нарушить». Обычно ставят после, и разница огромная. Я хочу понять, что именно эта перестановка позволяет.

Кайран склонился над свитком вместе с ней, и между ними вдруг стало очень мало места. От него пахло зимой, холодным железом и чем-то неуловимо чистым, как воздух в ледяной пещере. Узоры на его запястье, там, где перчатка чуть сдвинулась, светились в полутьме мягким серебром.

Сэлла очень внимательно посмотрела на пункт четырнадцать и очень старательно не думала ни о чём другом.

Мох-часовщик за стеной вспыхнул ещё раз. Осталось восемь вспышек.

Сэлла вернулась к тексту. Пункт четырнадцатый она перечитала трижды и пока ничего не нашла, кроме подозрения, что слово «добровольно» поставлено нарочно и что от

этого ей будет нехорошо. Она пометила строку карандашом, решила вернуться к ней позже и пошла дальше.

Пункт девятый она почти пропустила. Он стоял между статьёй о границах и статьёй о сроках, ничем не выделялся и выглядел как формальность. Но Сэлла привыкла читать формальности внимательнее всего остального, потому что именно в них люди прячут то, чего не хотят произносить вслух.

«Связь скрепляется стороной, не принадлежащей ни Полдню, ни Стыни, ни их домам, и несущей вес обоих».

Она прочла это вслух, медленно, и замолчала.

— Что? — тихо спросил Кайран.

— Здесь не сказано, что невеста должна быть кем-то, — ответила Сэлла. — Здесь сказано, что связь **скрепляется** кем-то. Это разные вещи. Невеста это сторона, а скрепляющий это... — Она подбирала слово. — Опора. Груз, который удерживает равновесие. Золотых и Стынь нельзя связать напрямую: у каждой стороны слишком тяжёлое слово, они перетянут клятву на свою сторону. Нужна третья точка. Нейтральная.

Кайран молчал. Узоры на его запястье, там, где перчатка сдвинулась, светились ровным серебром.

— Независимая, — медленно произнёс он. — Вот зачем нужна не принцесса.

— Принцесса принадлежит дому, — кивнула Сэлла. — Она тянула бы клятву к Золотым, а вы к Стыни. А я Суме-

речница. Я родом с самой Каймы, и у меня нет ни короля, ни дома. — Она подняла глаза. — Для этой клятвы я идеальный материал.

Она сказала это сухо, почти насмешливо, но голос на последнем слове едва заметно дрогнул. Кайран это услышал. Она видела, как он услышал, и как его взгляд на мгновение смягчился. Он не стал говорить, что ей жаль. Он вообще не сказал ничего лишнего, и это неожиданно оказалось лучшим ответом.

— Мой дядя об этом не упоминал, — сказал он наконец. — Он сказал только, что нужен независимый клятвовед.

— Потому что клятвовед и скрепляющая сторона в этом договоре один человек, — Сэлла постучала карандашом по свитку. — А он сказал вам первую половину фразы, а вторую оставил при себе. Совсем как мастер Селест. — Она нахмурилась. — Странно. Они ведь по разные стороны границы.

— Да, — тихо согласился Кайран. — Странно.

Они посмотрели друг на друга, и в маленьком кабинете стало очень тихо. Сэлла вдруг поняла, что за последние минуты они пришли к одной мысли с двух разных концов, и обоим эта мысль не понравилась.

Золотые и Стынь не ладили тысячи лет. А их главные советники, один при дворе Золотых, другой при дворе Стыни, вдруг одинаково скрыли от своих подопечных одну и ту же строку.

— Мне это не нравится, — произнесла Сэлла.

— Мне тоже, — сказал Кайран.

Мох-часовщик за ставнями вспыхнул ещё раз. Три вспышки назад их было восемь, теперь осталось пять. Сэлла потянулась за свитком, чтобы перелистнуть страницу, и пальцы её на мгновение коснулись его руки, которой он тоже тянулся к тексту. Кожа под тонкой перчаткой оказалась холодной, как зимнее стекло.

Она отдёрнула руку, как будто обожглась. Узоры на его запястье вспыхнули ярко, почти до боли для глаз, и тут же погасли. Кайран очень тщательно отвёл взгляд и принялся изучать стену.

— Простите, — сказал он ровным голосом. — Это... иногда случается.

— Я заметила, — так же ровно ответила Сэлла.

И обоим вдруг очень захотелось, чтобы свиток оказался длиннее.

-Кайран. Мы можем попробовать,если не случится иначе, добавить в договор пункт, который впоследствии возможно сможет нам помочь выбраться из этой ловушки

Кайран не ответил сразу. Он выпрямился, отодвинулся от свитка на пару ладоней (Сэлла отметила, что вместе с ним отодвинулась и зима), и посмотрел на неё внимательно, как смотрят на карту перед выбором дороги.

— Вы хотите изменить договор, — сказал он. — Под носом у Верховного клятвоведа.

— Я хочу дополнить договор, — поправила Сэлла. — Это

совсем другое. Изменение он заметит, а дополнение прочтёт и решит, что это формальность. — Она постучала карандашом по свитку. — Он сам показал мне, как это делается. Пункт семнадцать, мелкий шрифт. Мелкий шрифт, мастер Селест, работает в обе стороны.

Уголок рта Кайрана снова дрогнул, и узоры на скуле вспыхнули тонкой серебряной нитью. На этот раз Сэлла успела заметить, что именно в эту секунду он перестал выглядеть как Тёмный Лорд из слухов.

— И что вы предлагаете вписать?

— Сначала то, что меня беспокоит. — Сэлла придвинула свиток и провела пальцем по строке. — Пункт четырнадцатый: **«Ни одна из сторон не вправе нарушить связь добровольно»**. Слово «добровольно» стоит перед глаголом. Значит, запрещено **захотеть** разорвать связь. Но не запрещено прекращение связи по иной причине. Например, если наступит условие.

— Условие, — повторил Кайран.

— Условие, которое не зависит ни от моего желания, ни от вашего. — Она подняла глаза. — Я скажу то, что вы, наверное, и без меня поняли. Клятву нельзя разорвать усилием воли, но её можно закончить, если она сама предусматривает конец. Вопрос только в том, какой конец мы туда вставим.

Она замолчала, подбирая слова. Это было опасное место: в мире клятв любая неточность стоила дорого. Она уже собиралась написать «пока дышу», но вовремя поймала себя и

зачеркнула. «Всегда», «никогда» и «пока дышу» были теми словами, которые приличные люди в Золотом Ярусе не произносили без нотариуса и пары запасных жизней.

— Вот что я предлагаю, — сказала она наконец. — Пункт девять, который говорит о скрепляющей стороне, даёт мне право на уточнения: я несу вес обоих, следовательно, мои пояснения к тексту имеют силу самой клятвы. Это не лазейка, это право, которое Ориан сам вписал. Просто он не рассчитывал, что я им воспользуюсь. — Она быстро написала на полях: **«Цель настоящей связи определяется скрепляющей стороной и подлежит уточнению по мере её познания»**. — Это приложение к девятому пункту. Звучит скучно, и в этом вся красота. Но если я вправе определять цель, то я вправе определять и то, когда Договор «исполнен».

— Вы даёте себе власть над концом клятвы, — медленно произнёс Кайран.

— Я даю нам обоим возможность выйти, — сказала Сэлла. — Если не будет иначе.

Он смотрел на строчку долго, и узоры на его шее светились ровно, без вспышек. Потом он тихо спросил:

— Эта строка тоже стоит вам веса?

Сэлла замерла.

Она, конечно, знала. Каждое слово с намерением забирало частицу жизни, и чем важнее слово, тем дороже оно обходилось. Она не собиралась об этом говорить: у неё всегда было правило не демонстрировать цену тому, кто может её

использовать.

— Совсем немного, — сказала она. — Может быть, день. Может быть, два.

— Дайте мне перо, — сказал Кайран.

— Зачем?

— Я хочу вписать свою строку.

Он взял перо осторожно, будто держал не письменную принадлежность, а что-то хрупкое, и на мгновение замер над свитком. Узоры на запястье подрагивали, и Сэлла поняла, что он выбирает слова так же тщательно, как она, только вместо опасных формулировок он искал честные.

Через минуту он положил перо. На полях, рядом с её строкой, ровным почерком было выведено: **«Сторона первая не воспользуется настоящей связью во вред стороне второй».**

Сэлла прочла строку дважды. Потом ещё раз, медленнее.

— Вы понимаете, что вы сейчас сделали? — тихо спросила она. — Вы связали себя клятвой. Бесплатно. Без всякой выгоды, просто так.

— Не бесплатно, — спокойно ответил Кайран. — Это стоит мне веса, как и вам.

— Но зачем?

Он посмотрел на неё, и в голубых, почти прозрачных глазах на миг мелькнуло что-то незащищённое, быстро спрятанное обратно.

— Потому что если мы собираемся доверять друг другу

в чужой ловушке, — сказал он, — то кто-то должен начать первым. Если не будет иначе.

Сэлла не нашла, что ответить. Она, которая за двадцать семь лет всегда находила, что ответить. Узоры на его шее светились тихо и ровно, почти нежно, и она вдруг очень ясно поняла, что те, кто носит свои чувства на коже, не умеют лгать. И что это, возможно, самое опасное свойство из всех, что она встречала.

За ставнями вспыхнул мох. Осталась одна вспышка.

Из-за двери послышались шаги: неторопливые, мягкие, уверенные. Шаги человека, который заранее знает, сколько у других времени.

Девушка быстро промокнула чернила песком и свернула свиток. Руки у неё были совершенно спокойны, и только карандаш за ухом слегка дрожал.

— Ну что ж, — прошептала она. — Пора выяснить, заметит ли мастер Селест мелкий шрифт

Сэлла вышла из кабинета так, словно покидала не тайные переговоры, а скучное заседание по поводу сургуча. Свиток покоился у неё под мышкой, плечи были расправлены, а на лице держалась улыбка из тех, что она приберегала для самых опасных клиентов: тёплая, чуть рассеянная, совершенно ничего не обещающая.

Ориан Селест стоял у зеркальной стены и ждал. Если он и слышал что-нибудь из-за двери, то ничем себя не выдал.

— Мастер Орвин, — произнёс он. — Вы возвращаетесь

вовремя.

— Я стараюсь, — любезно ответила Сэлла. — Мы с господином Кайраном обсудили все формальности.

Это была чистая правда. Они обсудили их все, и в том числе одну, о которой Ориану знать не следовало. Сэлла давно усвоила, что в мире клятв лучшая ложь это правда, поданная без лишних подробностей.

Сэлла медленно положила печать на стол. Руки у неё не дрожали, и она отметила это про себя с мрачным удовлетворением. Чужая растерянность всё ещё тёплой волной ходила под рёбрами, но своя собственная, к счастью, подчинялась ей.

— Мастер Селест, — произнесла она ровным голосом, который приберегала для процессов, где ставкой была чья-то жизнь. — Объясните последнюю фразу. «Именно то, чего я ждал». Что именно я сделала?

— Вы прочли договор до конца, — отозвался Ориан. — Вы нашли пункт девятый. Вы воспользовались правом скрепляющей стороны и уточнили цель связи. Всё, как и должно быть.

— Вы ждали, что я внесу дополнение?

— Я ждал, что вы им воспользуетесь, — мягко поправил Ориан. — Это не одно и то же.

Он не лгал. Сэлла знала это так же твёрдо, как знала собственное имя, и именно поэтому по спине у неё поползла холодная дрожь. Ориан Селест отвечал на вопрос, который

она задала, но не на тот, который ей следовало задать. Она смотрела на его вежливое лицо и впервые отчётливо поняла, что только что вписала в договор строку, которая не просто спасает её, но и **даёт ей власть**, а власть в мире клятв это самая тяжёлая плата из всех.

Он хотел, чтобы эта власть оказалась именно у неё.

— Если у вас больше нет вопросов, — Ориан слегка склонил голову, — позвольте откланяться. На рассвете Стынь ждёт вас обоих. Я распорядился подготовить экипаж. Если не будет иначе.

И он ушёл, мягко, не оглядываясь, оставив после себя запах горячего металла и ощущение, будто в комнате стало тише.

Коридор за залом заверений был длинным, зеркальным и пустым. Сэлла прошла по нему десяток шагов и остановилась у окна, откуда был виден золотой город, застывший в вечном полдне. Кайран остановился рядом, на расстоянии вытянутой руки. Не ближе. Он явно старался не подходить слишком близко, и это почему-то раздражало её сильнее, чем если бы он подошёл.

— Он знал, — сказала она наконец. — Знал, что я воспользуюсь правом. Знал с самого начала.

— Да, — тихо подтвердил Кайран. — И я не понимаю зачем.

— Я тоже. Но я собираюсь выяснить.

Она провела ладонью по лицу, пытаясь собраться с мыс-

лями. Желудок тут же сообщил, что мысли подождут. Сэлла почувствовала, как в груди что-то тепло дрогнуло. Не её чувство, а его: сдерживаемое, осторожное веселье.

Она повернула голову.

Кайран смотрел в окно с выражением человека, который очень старательно изучает пейзаж. Узоры на его шее светились ровным мягким серебром, и в них, если приглядеться, пробегала тонкая рябь, как лёгкая дрожь от смеха, которому не дали выхода.

— Не смейтесь, — предупредила Сэлла.

— Я не смеюсь.

— Вы дрожите.

— Это узоры. Они плохо дрессируются.

— Дрессируйте усерднее, — сказала Сэлла. — Я не ела с утра, у меня только что отобрали свободу, а вы будете смеяться над моим пирогом.

Она не заметила, когда оно случилось, но Кайран вдруг тихо, коротко и очень непривычно для самого себя рассмеялся. Звук был низкий, чуть хрипловатый, как лёд, впервые треснувший под ногой. Узоры на его шее вспыхнули так ярко, что на мгновение осветили стекло окна.

И Сэлла, которая очень старательно не думала о том, как тёплая волна его смеха расходится у неё в груди, вдруг почувствовала, что уголки её собственных губ ползут вверх.

Она тут же нахмурилась и отвернулась, потому что мир клятв не прощал слабости.

— На рассвете Стынь, — сказала она сухо. — Значит, у нас есть одна ночь, чтобы разобраться, что именно нас связало. И найти хорошую харчевню. В этом порядке.

— Я знаю одну, — сказал Кайран. — Там, говорят, пекут пироги с мясом.

Сэлла не удостоила его ответом. Но шла она к выходу чуть быстрее, чем следовало.

Глава 2. Пирог с мясом

Харчевня называлась «Третья вспышка» и стояла ровно там, где Золотой Ярус заканчивался, а Кайма ещё не успела начаться. Здесь свет Полдня был уже не слепящим, а тёплым и медовым, и в нём всё выглядело немного нереальным: и вывеска со стёршейся краской, и гроздья сушёных трав под потолком, и мох-часовщик над стойкой, вспыхивающий неровно, как усталое сердце.

Сэлла выбрала столик в углу, спиной к стене. Привычка клятвоведов: сидеть так, чтобы видеть всех и не быть видимой с тыла. Кайран сел напротив, так же, и она с раздражением отметила, что он сделал это не подражая ей, а потому что думал так же.

Хозяйка, полная женщина с руками, пахнущими тестом и дымом, подошла к столу, оглядела обоих и безошибочно определила в них людей, которые не хотят быть замеченными.

— Что вам, добрые гости? — спросила она. — Если не будет иначе, у нас сегодня тушёная ящерка с корнем, суп из мха и...

— Пирог с мясом, — быстро сказала Сэлла. — Два. И что-нибудь тёплое.

— Для вашего спутника тоже тёплое? — хозяйка покосилась на Кайрана, на его чёрный воротник и бледное лицо.

Стынники на Кайме встречались редко, и те, что встречались, обычно ели холодное.

Кайран открыл рот, но Сэлла опередила его:

— Для него тоже. Он согласен.

— Я согласен? — тихо уточнил он, когда хозяйка ушла.

— Вы ведь не откажетесь от тёплого пирога, — ответила Сэлла. — Я это уже чувствую.

— Вы чувствуете мой голод? — Его брови чуть приподнялись.

— Я чувствую, что вы тоже не ели с утра и считаете себя слишком достойным, чтобы об этом сказать.

Узоры на его шее дрогнули. Он промолчал, и это было лучшим подтверждением.

Пироги принесли горячими, с золотистой корочкой, от которой шёл густой пряный пар. Сэлла вонзила вилку в тесто с видом человека, который всю жизнь ждал этого мгновения, откусила кусок и прикрыла глаза.

И вдруг почувствовала, как что-то изменилось.

Не вкус: вкус был прекрасный, насыщенный, с перцем и дымком. Изменилось ощущение, будто на её собственное удовольствие наложили второе, чужое, и оно оказалось сильнее первого. Ошарашенное, жадное, почти детское. Она открыла глаза.

Кайран сидел с вилкой в руке и смотрел на пирог так, словно тот только что сказал ему что-то оскорбительное и невероятно приятное одновременно. Узоры на его шее и вис-

ках вспыхнули так ярко, что хозяйка у стойки обернулась.

— Это что, — сказал он очень тихо, — перец?

— Это пирог, — ответила Сэлла.

— Он горячий.

— Конечно, горячий. Он только что из печи.

— Я не... — Кайран замолчал и попробовал ещё один кусочек, осторожно, как будто боялся. Его лицо на мгновение утратило все привычные маски. — В Стыни мы такого не едим. Там еда должна быть холодной, чтобы не отвлекать от мысли. Мне никогда не разрешали... — Он оборвал себя.

Сэлла почувствовала, как под рёбрами что-то сжалось. Не её чувство, а его: смущённое, детское, очень скрытое, как у человека, который вдруг понял, чего он был лишён.

— Ешьте, — сказала она негромко. — Только медленно. Иначе узоры сожгут стол.

Он посмотрел на неё. Узоры на скулах светились ровно и тихо, и в уголке глаза у него блеснуло что-то, что он поспешно скрыл за кружкой.

Они ели молча. Но в этой тишине, как ни странно, было больше сказано, чем во всём разговоре в малом кабинете. Сэлла чувствовала его удовольствие, он чувствовал её, и от этого оба забыли о договоре, о Ориане и о том, что завтра на рассвете им предстоит отправиться в ледяной мир, где их никто не ждёт.

Потом дверь харчевни распахнулась.

Вошли трое, Золотые, в кожаных нагрудниках цвета обо-

жжённой меди, с лицами людей, которых слишком долго держали на жаре и слишком мало учили манерам. Они огляделись, и один из них, самый широкий, остановил взгляд на Кайране.

— Эй, — протянул он. — Глядите-ка. Стынник.

В харчевне стало тихо. Хозяйка у стойки замерла с кружкой в руке.

— Говорят, у них кровь холодная, — продолжил широкий и подошёл ближе. — Интересно, а если подогреть?

Кайран не пошевелился. Он смотрел на свою кружку, и лицо его оставалось неподвижным, но Сэлла вдруг почувствовала.

Жар. Не её, а его. Тугой, медленный, как лава под тонкой коркой камня. Он поднимался от груди к горлу, и узоры на его шее светились теперь не серебром, а почти белым. Она ощутила, как напрягаются его пальцы вокруг кружки, как сводит челюсть, как где-то на самой глубине рождается желание *сделать больно*.

Это было страшно. И это было **её**, потому что связь не различала, где чьё.

Сэлла медленно положила вилку.

— Господа, — сказала она тем голосом, который использовала на заседаниях. — Если вы любезно позволите, я бы хотела напомнить кое-что о законе Каймы.

Широкий обернулся, ухмыляясь.

— Ты кто такая?

— Клятвовед, — ответила она. — Заверяющая второго ранга. Мастер Сэлла Орвин. И этот господин находится под защитой договора, который я заверила сегодня собственной печатью. — Она поднялась. — Любое слово, обращённое к нему с намерением оскорбить, считается нарушением права стороны, и последствия падут на тех, кто его произнёс. Не на меня. На вас.

Это была полуправда, с крошечной долей преувеличения, но Сэлла произнесла её так спокойно и так уверенно, что даже сама чуть не поверила.

Золотые переглянулись. Один из них, помоложе и поумнее, тихо сказал:

— Тарн, пойдём. Это не наше дело.

— Я только спросил...

— Пойдём.

Они вышли, нехотя, оглядываясь. Дверь закрылась, и в харчевне снова стало слышно, как тикает мох над стойкой.

Сэлла опустилась на скамью и только тогда заметила, что у неё дрожат колени. Жар Кайрана всё ещё жёг ей грудь, постепенно остывая, и вместе с ним уходило что-то другое, что она не сразу сумела назвать. Благодарность? Нет, пожалуй, не только.

Кайран смотрел на неё. Узоры на его шее медленно гасли, возвращаясь к привычному серебру, а в глазах стояло что-то такое, чего она раньше в нём не видела.

— Вы блефовали, — тихо сказал он.

— Немного.

— Вы встали между мной и тремя вооружёнными людьми. С вилкой.

— Вилка была в другой руке, — сухо уточнила Сэлла. — Но я признаю, момент был рискованный.

Он вдруг улыбнулся. Настоящей, живой улыбкой, от которой лицо его перестало быть холодным, а стало просто мужским, с лёгкими морщинками у глаз и неровной линией губ. И в этот миг Сэлла почувствовала у себя в груди новое чувство. Не его, а своё собственное, тихое и очень опасное.

Она тут же допила остывший чай и сделала вид, что ничего не произошло.

Когда они собрались уходить и Сэлла потянулась за плащом, под её тарелкой обнаружился крошечный свёрнутый листок. Она точно не клала его туда, и хозяйка, судя по растерянному лицу, не знала, откуда он взялся.

Сэлла развернула его так, чтобы Кайран не видел. Всего три строки, написанные узнаваемым, слегка наклонным почерком, который она не видела уже четыре года:

«Слова мои ничего не значат, девочка. Поэтому слушай не слова. Не подписывай до рассвета. Н.»

Рука у неё не дрогнула. Но внутри что-то холодно, как нить из льда, оборвалось.

Н.

— Что там? — тихо спросил Кайран, чувствуя её волнение.

Сэлла не стала спрашивать себя, чей это почерк. Этот наклон букв, эти короткие, обрубленные строки, привычка подписываться одной буквой она знала лучше, чем собственный. Четыре года назад над этим почерком она училась отличать «вправе» от «обязан», и тот же почерк писал на полях её первых работ: *«Слишком гладко. Где ты спрятала лазейку?»*

Нэйва.

Холод, оборвавшийся в груди, тут же сменился другим: тугим, острым, больным. Она не знала, злость это или тоска, и с досадой поняла, что не сможет скрыть ни то ни другое. Связь не оставляла ей выбора.

Кайран повернул голову. Узоры на его шее дрогнули и потемнели, как вода, в которую уронили камень.

— Что там? — повторил он тихо.

Сэлла сложила записку вчетверо и убрала в карман, к перьям и сургучу.

— Старая знакомая, — сказала она ровно. — Хочет встретиться.

Это была правда. Урезанная, как и все правды, которым она научилась в Золотом Ярусе, но правда. И Кайран, к её удивлению, не стал допытываться. Он долго смотрел на неё, и она ощутила, как к её собственной тревоге осторожно, почти робко примешивается что-то чужое: ровное, тёплое, ничего не требующее.

— Я чувствую, что вам больно, — произнёс он. — Я не

спрашиваю, почему. Но если понадобится помощь, скажите.

Сэлла хотела ответить колкостью. Колкость у неё всегда лежала наготове, как запасное перо. Но слов не нашлось, и она только кивнула.

Задача была ясна: связаться с Нэйвой, и сделать это так, чтобы Кайран не заметил. Что в мире, где всё держится на клятвах, оказалось почти невозможным.

Нэйва была Пустой. Слова, которые она произносила, ничего не весили, и никакая клятвенная метка не могла её отыскать. Но Сэлла помнила, как она сама рассказывала об этом, ещё в те времена, когда рассказывала. **«Пустые остаются в мире только там, где их спрашивают вслух, девочка. Задай вопрос, и в ответ получишь не слово, а след»**.

Раньше Сэлла считала это красивой метафорой. Теперь сообразила, что это инструкция.

— Я на минуту, — бросила она, поднимаясь. — Здесь есть задний двор?

Хозяйка кивнула в сторону кухни, и Сэлла пошла, стараясь шагать так, будто ей нужно ровно то, что она сказала. Связь потянула за её спиной тонкую нить чужого внимания. Кайран не следил за ней, он просто **чувствовал**, и от этого каждый её шаг казался слишком громким.

Задний двор оказался тесным, с бочками, пучками трав и ящиком для мусора. Сэлла достала из кармана записку, расправила и нашла на обороте узкую полоску чистой бумаги.

Карандаш за ухом уже знал, что писать.

Она шептала слова вслух, пока писала, потому что Пустые отвечали только тому, что было произнесено:

— Нэйва. Я получила твой листок. Скажи где и когда, и я приду.

Больше ничего. Любое лишнее слово было бы опасно: Сэлла знала это лучше многих. Она сложила записку и сунула её под плоский камень у порога, где сквозь щель тянуло тёплым воздухом из кухни.

Ждать пришлось недолго. Не прошло и двух вдохов, как из-под камня выглянул клочок серой бумаги, будто его кто-то подложил с другой стороны. На нём был нарисован мост с тремя маленькими кружками мха под ним и стояла цифра семь.

Сэлла прочитала это одним взглядом. Мост Трёх Мхов, на краю Каймы, где свет и сумерки сходятся. Седьмая вспышка после полуночи, то есть после того, как закроется последняя харчевня.

Ночью. Одной.

А рядом с ней будет Кайран, который чувствует каждое её движение.

Она вернулась в зал, где Кайран уже допивал остывший чай и смотрел на дверь с видом человека, который собирался что-то сказать и передумал. Когда Сэлла села, узоры на его запястье едва заметно мигнули, будто спрашивая.

— Всё в порядке, — сказала она.

— Это неправда, — ответил Кайран тихо.

— Нет, — согласилась Сэлла. — Но будет.

Над стойкой мох-часовщик вспыхнул в очередной раз. До седьмой вспышки оставалось немного, а до решения гораздо меньше.

Ночь на Кайме не наступала, она **подкрадывалась**. Свет Полдня не гас, а становился всё тише и медовее, пока не превращался в густой янтарный сумрак, в котором тени вытягивались, а мох-часовщики светились ярче. Сэлла лежала на узкой постели в комнате над харчевней, смотрела в потолок и вела с собой очень серьёзную борьбу.

Связь делала невозможным то, что она умела лучше всего: притворяться. Любое волнение, любой скачок сердца уходили по тонкой ледяной нити туда, где в соседней комнате лежал Кайран. Поэтому Сэлла делала то, чему её когда-то научила Нэйва для особо долгих допросов: тихо, про себя, перечисляла пункты Кодекса Заверений. Пункт первый. Пункт второй. Пункт третий, подпункт «б». Скучно до зевоты, и именно поэтому действовало.

На седьмой вспышке она встала.

Она двигалась босиком, с сапогами в руке, и ни одна доска под ней не скрипнула. У двери замерла, прислушалась и почувствовала по ту сторону стены ровное, спокойное тепло: Кайран спал. Или делал вид, что спит. Узнать наверняка она не могла, а проверять было некогда.

Сэлла вышла в коридор, спустилась по лестнице мимо

дремлющей хозяйки и растворилась в янтарном сумраке.

Кайран не спал.

Он лежал с открытыми глазами и чувствовал, как нить внутри натягивается и уходит прочь. Он ощущал её шаги, её сердце, тихую сосредоточенную тревогу, под которой пряталось что-то горькое и очень личное. Узоры на его запястьях тускло светились в темноте.

Он думал недолго. Не стоило ей идти одной, и ей не следовало этого скрывать. Но он не мог ни остановить её, ни потребовать объяснений, и потому поступил единственным способом, который не нарушал ни её воли, ни его собственных принципов.

Он оделся, обмотал шею тёмным шарфом, чтобы прикрыть мерцание узоров, и вышел следом. Не торопясь, на расстоянии, которое подсказывала сама связь. Он не знал дороги, но ему и не требовалась карта: достаточно было идти туда, где сильнее билось чужое сердце.

Мост Трёх Мхов оказался старым каменным пролётом через сухой ров, где когда-то текла вода. Под ним на влажных стенах цвели три огромных пятна светящегося мха: зелёное, голубое и бледно-золотое. Они мигали разными ритмами, и от этого мост казался дышащим.

На середине стояла женщина в сером плаще. Капюшон скрывал лицо, но Сэлла узнала бы её и по спине.

— Ты выросла, — сказала Нэйва. Голос у неё был низкий и усталый, такой же, каким Сэлла помнила его по долгим

вечерам над чужими договорами. — Или мне так кажется.

Сэлла остановилась в трёх шагах. Ей хотелось броситься вперёд. Ей хотелось развернуться и уйти. Она не сделала ни того ни другого.

— Ты сказала «не подписывай до рассвета», — произнесла она ровно. — Я уже подписала.

— Я знаю.

— Тогда зачем записка?

Нэйва откинула капюшон. Лицо у неё осталось прежним, резким, с тонкими морщинами у губ, но в глазах стояла усталость, которой раньше там не было. Четыре года изгнания оставляют следы.

— Затем, что я не знала, успею ли, — сказала она. — Они торопились. Я надеялась, что у тебя найдётся ещё несколько часов.

— Кто «они»?

— Те, кто сложил этот договор. — Нэйва покачала головой. — Не смотри так. Я знаю, что мои слова ничего не весят. Ты не можешь проверить, правду я говорю или нет. Поэтому слушай не слова, а то, что стоит рядом с ними.

Сэлла сжала кулаки. Нэйва учила её этому: не верь голосу, верь паузам, верь тому, что человек не договаривает. А теперь использовала этот урок против неё.

— Ты предала меня, — вырвалось у Сэлы. — Ты нарушила клятву, ты исчезла, а теперь пишешь записки, как будто ничего не случилось.

— Я знаю.

— Ты хоть понимаешь...

— Понимаю. — В голосе Нэйвы вдруг прорвалась боль, настоящая, и Сэлла запнулась. — Понимаю лучше, чем ты думаешь. Но сейчас не время. Слушай.

Она шагнула ближе.

— Ориан Селест не лжёт. Ты это знаешь. Но он очень старается, чтобы ты задавала не те вопросы. — Нэйва понизила голос. — Не спрашивай, чего он хочет. Он ответит честно и ничего тебе не скажет. Спроси, чего он *боится*.

Сэлла замерла. Что-то в этой фразе было до жути верным.

— Это всё?

— Почти. — Нэйва протянула ей крошечный свёрток, перетянутый серой ниткой. — Возьми. Когда понадобится, поймёшь.

Сэлла осторожно взяла свёрток. Внутри что-то лёгкое, круглое, холодное на ощупь.

— Что это?

— Пустая монета. — Губы Нэйвы дрогнули в слабой усмешке. — Единственная вещь, которая принадлежит мне по-настоящему.

Кайран стоял в тени каменной опоры в сотне шагов от моста и старался не дышать.

Он не слышал слов. Но он **чувствовал**, и этого оказалось гораздо больше, чем он хотел. Он чувствовал её гнев, острый, как стекло. Её боль, старую и глубокую. Её страх, пото-

му что где-то под гневом она боялась так сильно, что колени у неё подкашивались. И её тоску. Тоску по человеку, которого она считала семьёй.

Узоры на его шее вспыхнули так ярко, что просвечивали сквозь шарф. Он прижал ладонь к ледяному камню, пытаясь успокоиться, но спокойствия не получалось: чужие чувства заливали его, и он не знал, где кончается она и начинается он сам.

Что-то сжалось у него в груди, очень тихо и очень мучительно. Ему захотелось выйти из тени и встать рядом с ней, молча, ничего не говоря. Просто быть там.

Он остался на месте.

Когда разговор закончился, Нэйва отступила на шаг и, прежде чем накинуть капюшон, вдруг склонила голову набок.

— Твой спутник, — сказала она негромко, — очень громко чувствует.

Сэлла замерла.

— Что?

— Передай ему, — продолжила Нэйва, и в её голосе мелькнуло нечто похожее на теплоту, — что узоры у него светятся даже через шарф. Для следопыта это недостаток.

Она отвернулась и ушла в янтарную тьму, не оглянувшись. Мох под мостом мигнул три раза, и мост опустел.

Сэлла стояла посреди старого камня, сжимая в кулаке пустую монету. Нить внутри неё вдруг дрогнула, и сквозь соб-

ственную растерянность она ясно, отчётливо почувствовала чужое смущение, густое, как пар над горячим чаем.

Она медленно повернула голову к опоре в сотне шагов.

В тени кто-то очень тихо кашлянул.

Сэлла дошла до опоры за двадцать шагов и ни разу не оглянулась. Шаги у неё были твёрдые, подбородок поднят, и со стороны это выглядело как торжественное шествие судьи на вынесение приговора. Изнутри же было куда хуже: нить в груди вибрировала от чужого смущения, а вместе с ним поднималось что-то ещё, тугое и горячее, и Сэлла не сразу поняла, что это не её чувство.

Это был гнев. Его.

Кайран вышел из тени, когда она остановилась в трёх шагах. Шарф сполз ниже подбородка, и узоры на шее светились так ярко, что освещали скулы и край воротника. Спрятаться ему было нечем, и он, кажется, понимал это.

— Вы следили за мной, — произнесла Сэлла очень ровно и очень тихо, и по этой тишине любой, кто знал её дольше пяти минут, понял бы, что дело плохо.

— Я шёл следом, — поправил Кайран. — Это не одно и то же.

— Это ровно одно и то же. — Голос Сэлы стал чуть выше. — Вы вышли ночью, без предупреждения, пошли за мной по ощущению, которым владеете только благодаря договору, и подслушали...

— Я ничего не слышал.

— Вы **почувствовали**.

— Я не мог не почувствовать! — Его голос впервые сорвался из ровного в резкий. — Это не выбор, это связь!

Они замолчали и уставились друг на друга. Сэлла вдруг ясно ощутила, как её собственная злость накладывается на его, усиливает её и возвращается обратно, и от этого обоим стало жарче, чем от самого горячего пирога. Узоры на его висках вспыхнули белым. Она почувствовала, как у неё самой горят щёки, хотя щёки тут были ни при чём.

— Вы дали слово, — продолжила она, стараясь говорить тише и от этого только злее. — Вашу строку я прекрасно помню: *«Сторона первая не воспользуется настоящей связью во вред стороне второй»*. Вы воспользовались связью, чтобы выследить меня.

— Во вред? — Кайран шагнул вперёд, и впервые она увидела в нём то, о чём говорили слухи: холодную, тяжёлую ярость человека, привыкшего приказывать. — Я шёл, чтобы вас защитить. Ночью, одну, на пустой мост. К кому, как вы думаете, вы шли? Откуда мне знать, что вас там не ждала ловушка?

— Потому что я сама решаю, куда мне ходить!

— Потому что вы моя...

Он оборвал себя на полуслове, и в наступившей тишине Сэлла отчётливо услышала недосказанное слово.

— Ваша кто? — спросила она очень опасным голосом.

Кайран сжал челюсти. Он принц Стыни, наследник дома

Дэр-Нокт, человек, с которым не разговаривали в таком тоне даже советники отца. Его не отчитывали, не одёргивали, не стояли перед ним, уперев руки в бока, с карандашом за ухом и полной готовностью объяснить ему его собственное место. И самое мучительное было то, что она не боялась. Он чувствовал это изнутри.

Он чувствовал и другое.

Под гневом, под колючим, нарочито ровным голосом, под всей этой клятвоведческой бронёй дрожало что-то мягкое и испуганное. Не злость на него, а страх за себя. Страх одинокого человека, который только что встретился с самым больным местом своей жизни и теперь не знал, куда это деть.

Ярость в нём дрогнула. Не исчезла, но дала трещину.

Сэлла почувствовала это, как чувствуют перемену ветра, и растерялась. Она ждала продолжения ссоры, готовых слов, ответного удара. Вместо этого получила внезапную, почти невыносимую волну чужой нежности, смешанной с досадой и усталым, беспомощным пониманием.

— Вы моя союзница, — произнёс Кайран тише. — Вот что я хотел сказать. По договору, по клятве. Или как вам угодно это называть. Вы мне не подчинённая и не пленница. Вы тот человек, с которым я теперь связан, и я не умею оставлять такого человека одного в темноте.

Сэлла открыла рот. И не нашла ни одной колкости.

Это было почти оскорбительно.

— Вам следовало сказать, — выдавила она наконец. —

Вместо того чтобы красться по теням, как... как шпион из дешёвого романа.

— Вы бы согласились?

— Нет.

— Вот поэтому и не сказал.

Она хотела разозлиться. Честное слово, хотела. Но ярость уходила из неё, как вода в песок, и вместо неё оставалась усталость, и ещё что-то, о чём она категорически отказывалась думать. Узоры на шее Кайрана постепенно гасли, вспыхивая на мгновение там, где его взгляд задерживался на её лице.

— Не делайте так больше, — сказала она.

— Не могу обещать.

— Кайран.

— Я принц, — сухо напомнил он, и в его голосе мелькнула тень той самой усмешки. — Мы плохо умеем обещать то, чего не собираемся выполнять.

Сэлла фыркнула. Звук получился совсем не таким, как она рассчитывала: неубедительным, слишком похожим на смешок. Она тут же отвернулась и сделала вид, что внимательно разглядывает мох под мостом.

В кармане что-то холодно и круглое лежало у неё под пальцами. Пустая монета. Она ничего не сказала о ней, и Кайран ничего не спросил. Но связь передала ему её лёгкое, быстрое колебание, и он, кажется, понял, что сегодня лучше не расспрашивать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.